

Лазарев В. А., Ласкова Марина Васильевна

КАТЕГОРИЯ РОДА ЛИЧНЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В КОММУНИКАТИВНОМ АСПЕКТЕ

Статья посвящена проблеме детерминации категории рода в русском языке. На коммуникативно-прагматическом уровне текста формы рода различных частей речи участвуют в выражении детерминации содержания текста относительно речевой ситуации и связаны с актуальным членением текста. Употребление форм рода в высказывании и тексте не является жестким, постоянным и независимым.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2008/1-2/16.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2008. № 1 (1): в 2-х ч. Ч. II. С. 57-61. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2008/1-2/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

4. Жинкин Н. И. Смысл и грамматика. - М., 1970.
5. Зимняя И. А. Исследование речевого мышления в психолингвистике. - М., 1985.
6. Князева Е. Г. Структурный мир речевого общения (опыт лингвофилософского анализа). - М.: Наука, 1999.
7. Курдюмов В. А. Идея и форма. Основы предикационной концепции языка. - М.: Военный университет, 1999.
8. Леонтьев А. А. Вопросы порождения речи и обучения языку. - М., 1967.
9. Леонтьев А. А. Язык, речь, речевая деятельность. - М., 1969.
10. Леонтьев А. А. Основы психолингвистики. - М.: Смысл, 2003.
11. Луцких И. М. Теория речевой деятельности. - М., 1968.
12. Сидоров Е. В. Проблемы речевой системности. - М.: Наука, 1987.
13. Солнцев В. М. Язык как системно-структурное образование. - М.: Наука, 1977.
14. Тарасов Е. Ф. Межкультурное общение - онтология анализа языкового сознания // Этнокультурная специфика языкового сознания: Сб. статей / Отв. ред. Н. В. Уфимцева. - М.: Наука, 1996.

КАТЕГОРИЯ РОДА ЛИЧНЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В КОММУНИКАТИВНОМ АСПЕКТЕ

*Лазарев В. А., Ласкова М. В.
Педагогический институт «ЮФУ»*

Статья рекомендована к публикации д.ф.н., проф. Брусенской Л. А. и д.ф.н. Куликовой Э. Г.

Статья посвящена проблеме детерминации категории рода в русском языке. На коммуникативно-прагматическом уровне текста формы рода различных частей речи участвуют в выражении детерминации содержания текста относительно речевой ситуации и связаны с актуальным членением текста. Употребление форм рода в высказывании и тексте не является жестким, постоянным и независимым.

Категория рода является одной из универсальных в грамматическом строе русского языка, ибо она охватывает три важнейшие части речи: существительное, прилагательное (в том числе - прилагательные-числительные и прилагательные-местоимения) и глагол (прошедшее время, сослагательное наклонение и причастие). С помощью родовых форм достигаются структурная спаянность и единство этих разрядов слов, которые резко различаются по своим основным лексико-грамматическим особенностям. Категорию рода можно считать базисной для морфологии существительного, так как принадлежностью к роду определяются особенности использования его в речи (согласовательный класс).

Различают следующие уровни существования и соответственно описания грамматических категорий слова: 1) уровень грамматической системы языка (абстрактно-грамматический уровень, рассматриваемый в отвлечении от лексики); 2) уровень репрезентации единиц и категорий грамматической системы в отдельно взятой лексеме; 3) уровень функционирования словоформ в конкретном высказывании и тексте [Бондарко 1982: 122].

Эти уровни соответствуют аспектам языковых явлений, которые выделял Л. В. Щерба: языковая система - языковой материал - речевая деятельность, которая материализуется в текстах [Щерба 1974: 24-39]. На уровне текста категориальные значения грамматических форм выступают в наибольшей степени конкретизации и реального многообразия. Анализ на уровне высказывания и текста углубляет познание реализации категориального значения грамматической формы, обнаруживает закономерности функционирования словоформ и позволяет систематизировать ситуации, передаваемые при участии данной словоформы и контекста. Уровень текста, таким образом, оказывается, с одной стороны, источником материала о той или иной грамматической категории, а с другой стороны, формой существования языковых категорий, что является отражением глубинных закономерностей грамматической системы.

Распространено мнение, что категория рода существительных не относится к числу коммуникативно обусловленных категорий. Даже в исследованиях, которые опираются на теорию коммуникативно-ориентированной грамматики, род определяется только на формально-синтаксических основаниях. Так, О. Г. Ревзина [Ревзина 1979: 68] считает, что категория рода определяется вне составляющих акта коммуникации, а правила согласования по роду являются обязательным условием грамматической правильности. Или ср. мысль Е. С. Скобликовой, которая подчеркнула, что выбор родовых форм в случаях *моя мать - преподаватель / преподавательница* зависит не от грамматических, а от лексических условий. Он всецело определяется «теми возможностями, которыми словарный состав языка располагает для обозначения лица данного пола» [Скобликова 1970: 31].

В то же время совершенно ясно, что система употребления форм рода в тексте не является жесткой, постоянной, независимой от акта коммуникации, номинативной и морфологической специфики существительных [Яцкевич 1987: 99]. Коммуникативная значимость категории рода у существительных обусловлена тем, что в тексте эти категории составляют функциональное единство с родом прилагательных, местоимений, глаголов. Категория рода (как и числа) служит для создания когезии текста, поскольку род субститута и род антецедента (как и число) соответствуют друг другу. Отсутствие формальной связанности в случаях использования местоимения женского рода, соотносимого со словами типа *врач*, не нарушает единства текста, поскольку остается выраженной общая сема - лицо.

Вообще исследователи текста признают, что гораздо важнее не эксплицитные связи (которых может даже и не быть), а семантическая соположенность, смысловое и прагматическое соответствие фрагментов текста, которое тоже может создаваться с помощью личных существительных.

Ср. заголовок текста *«Магиня от парфюмерии»* [Елле 1998: 166] или такой пример:

«У каждой косметической фабрики, как известно, есть своя оплачиваемая миллионными контрактами агентши из когорты профессиональных красавиц, призванная искушать своим примером» [Комс. правда 1997].

Здесь формы женского рода (причем совершенно нетривиальные) обусловлены характером текста - его отнесенностью к преимущественно женским сферам (парфюмерии, косметики), и они, в свою очередь, обуславливают единство, гладкость и цельность текста. Ср. в этой связи: «Любое знаменательное слово можно считать семантически самодостаточным, то есть семантически в нем представлено все то, что в нем есть, и нет ничего того, чего в нем нет. Но стоит слово поставить в связь с другими словами, столкнуть с другим словом, тоже семантически самодостаточным, обладающим своим набором сем, как мы тут же увидим, что между ними появляются неизвестные до того связи, как бы «силовые» или «магнитные» линии» [Кривоносов 1996: 459-460].

Варианты типа *доктор - докторши* тоже могут быть целенаправленно используемым ресурсом создания цельности текста, а также полифонии, многоголосия, свойственного художественному тексту. Ср. эпизод визита к врачу героини рассказа В.Токаревой «Центр памяти». На одной странице текста употреблены следующие синонимические выражения: 3 раза - *врач*, 3 раза *врачиха* и 1 раз - *врач-психиатр*. Варианты употреблены в такой последовательности:

«Врач-психиатр внимательно выслушала Варвару Тимофеевну ...

Врач слушала очень внимательно ...

«Правильно», - похвалила врачиха.

Врач не ответила.

Врач отвлеклась от своего писания ...

«Очень может быть, - заключила Варвара Тимофеевна и скучно посмотрела на врачиху.

Врачиха была хоть и полная, но какая-то худая».

Смена форм манифестирует смену регистра: *врач-психиатр* и *врач* - формы, более соответствующие авторской манере повествования, а *врачиха* - это элемент лексики героини, необразованной пожилой женщины, это знак несобственно-прямой речи. Как считает Л. И. Еремина [Еремина 1981: 255], «присутствие в авторском тексте не только чужого сознания, чужого аспекта, но и чужого голоса, чужих для повествователя форм речи выявляется прежде всего на уровне формообразования».

Синонимическая замена избавляет, во-первых, от монотонности, а во-вторых, дает возможность следовать от неполного, неточного знания о предмете (*врач*) к более точному и конкретному. Вначале важно иметь общие сведения (они передаются нейтральной по отношению к семантике пола формой *врач*). Хотя пол все равно выявляется в координации со сказуемым (*врач-психиатр выслушала*), но он не выделен, не подчеркнут, остается незаметным. Важен рассказ героини о своих проблемах и реакция человека от медицины (неважно - мужчины или женщины). Но врач не сказала Варваре Тимофеевне ничего, что заставило бы пациентку сосредоточиться на этих словах, врач попросту не поняла, что случилось с Варварой Тимофеевной. Слова врача оказались героине неважными, и у нее появилась возможность понаблюдать за психиатром:

«Врачиха была хоть и полная, но какая-то худая» - это впечатление персонажа, переданное как несобственно-прямая речь, и элемент, по которому мы догадываемся о смене регистров, - именно слово *врачиха*.

Ср. начало другого рассказа В. Токаревой - *«Стечение обстоятельств»*:

«Работник четыреста восемьдесят третьего почтового отделения Клавдия Ивановна Прохоренко, а точнее, тетя Клава-почтовичка, дождалась конца рабочего дня и пошла в гастронорм ...».

Ср. также: *«Начальник почты, сухонькая женщина, почти старуха, долго смотрела в глаза Фертову ... и наконец пригласила по телефону работницу с тетрадкой учета абонентных ящичков. Явилась молоденькая девушка, жующая жвачку, вся измазанная помадой, лаком, румянами - губы, ногти, щеки - сплошное пламя, и на вопрос начальницы ответила ...»* [Нева 1997: 27].

Как видим, с помощью коррелятивных пар в тексте создается движение от официально-далекого, чуждого к понятному и близкому.

Ср. также: *«И тут в транспортном заторе, пока трамвай стоит, к нам по-домашнему, как из соседней комнаты, выходит водитель, тоже простая тетка ... - Орете тут! - говорит водительница нам ...»* [Щербакова. Армия любовников];

«Спиритический офис в городе Кармен оказался баптистской церковью, построенной на средства знаменитой женщины-хилера, сестры Жозефины Сиссон ... Не застав знаменитую хилерессу в церкви, мы двинулись к ней домой» [Лит. газ. 1987];

«Как вы полагаете, удастся ли молодому технику-смотрителю (вообще-то она, так сказать, техничка-смотричка) перевоспитать Семиколенова...» [Известия 1983].

«Грамматически совершенный язык способен средствами грамматики передать весь спектр модальных отношений» [Мечковская 1996: 184], и в этом арсенале средств важное место занимают суффиксальные

женские корреляты названий лиц по профессии. На содержательно-смысловом уровне текста формы рода участвуют в формировании содержания высказывания и его интерпретации с точки зрения говорящего лица:

«В мои обязанности входит ... сидение вечерами на вахте. Знакомые смеются: цербером служишь! Нет, отвечаю я, суперцербером. Цербером там вахтеры. Вахтерши. Как правило, пожилые женщины. А я слежу, чтобы их не обижали и не пытались проскользнуть мимо них в общагу. Способов - масса. Например, столпотворение. Вахтерши на рабочем месте приторговывают всякой мелочью... Пара человек подходит и затевает покупку, отвлекает вахтера, загоразживает проход ... Запретить вахтерам торговать при их зарплате в 120 рублей ни у кого рука не поднимается» [Комс. правда. 2000].

Или ср. варьирование в тексте номинаций *снайпер, снайперша, женщина-снайпер*:

«... лучшими снайперами становятся женщины. Снайперши солдаты зовут не иначе как суками. Помимо Троицкой российскими правоохранительными органами задержаны еще по крайней мере три снайперши ... Еще одна снайперша, татарка по национальности, 1976 года рождения, воевала в банде полевого командира Михаила... Исследуя феномен женщин-снайперов, аналитики Министерства обороны отмечают...» [Аргументы и факты 2000: 6].

Ясно, что текстовые регистры (от документального к разговорно-бытовому и далее - к научному, аналитическому) формируются и при участии вариантных способов обозначения лица по роду занятий.

Очевидно, что для первого упоминания в тексте гораздо больше подходит коррелят мужского рода, особенно если суффиксальное образование женского рода неузואльно. В рассказе В. Токаревой «Старая собака» об одном из персонажей сказано: «Против нее сидела старушка с розовой лысинкой, в прошлом клоун». Потом на протяжении рассказа слово *клоун* ни разу не употребляется, только - *клоунесса* (9 раз) и 2 раза сказано *старушка*.

Интересно, что жанровые особенности текста могут диктовать и необходимость таких форм, которые в общем не соответствуют системной норме. Э.Рязанов опубликовал сценарий неснятого фильма «Толстый и тонкая» [Нижний Новгород 1997], где главная героиня - наша соотечественница, врач, которая лечит (от ожирения) итальянца. Из 29 наименований главной героини 26 - слова женского рода (неизбежно, неузואльные - *докторша, врачиха, ученая* и реже узואльные - *диссертантка, героиня, русская*) и лишь 3 раза о ней сказано *врач*. Очевидно, все дело в том, что сценарий - особый текст, его задача - передать зрительные образы, именно поэтому более конкретный женский род (даже ненормативный или полунормативный) оказывается предпочтительнее.

На коммуникативно-прагматическом уровне текста формы рода различных частей речи участвуют в выражении «детерминации содержания текста относительно речевой ситуации, их употребление связано с актуальным членением текста» [Яцкевич 1987: 101].

Ср.: «Случай сложный, необходим врач» (форма мужского рода существительного и краткого прилагательного с обозначением неопределенного лица в составе ремы высказывания) и «Я смогу помочь, - сказала врач» (форма мужского рода существительного и женский род глагола связаны с обозначением определенного лица в составе темы высказывания).

Заметим, что в случае существования коррелятивных пар женского рода, которые соответствуют узую и норме, во втором случае будет предпочтен вариант женского рода. То есть, при том, что практически для всех стилей и жанров вполне уместно выражение «Моя сестра - учитель», в случае использования наименования лица в составе темы предпочтительнее вариант женского рода: «Учительница вошла в класс», а не «Учитель вошла в класс». Ср.: «Денотативное (интродуктивное, экстенциональное) употребление закреплено в позиции семантического субъекта. В этой позиции релевантна репрезентация признака принадлежности к экстралингвистической категории пола - сборщица работает у станка» [Дмитриева 1987: 8]. Сигнификативное употребление профессиональных номинаций закреплено в позиции семантического предиката: «Она работает сборщиком (сборщицей)».

Изучение категории рода личных существительных в коммуникативном аспекте требует решения главного вопроса: как зависит от коммуникативной позиции существительного в тексте выбор модели употребления форм рода самого этого существительного и связанных с ним в тексте слов?

Как известно, имена существительные выполняют в тексте две коммуникативные функции: референции и предикации, которые связаны с категориями определенности / неопределенности, индивидуальности / обобщенности, конкретности / абстрактности, а также с актуальным членением предложения. Если существительное употребляется в референтной позиции в тексте, то выбор одной из коррелятивных форм, а также выбор форм согласования служит средством выражения значения определенности / неопределенности. Ср. в связи с этим один из ответов при анкетировании (речь шла о формальном и смысловом согласовании слов типа *бухгалтер* с глаголом), который приводит И. П. Мучник [Мучник 1971: 232]:

«Вы говорите о разных вещах. Если надо сказать, что пришла Ольга Федоровна, которая является бухгалтером, то - бухгалтер пришла. Если речь идет о человеке, занимающем должность бухгалтера (человек этот - женщина), надо сказать «бухгалтер пришел». Обе формы допустимы».

С этим трудно не согласиться. А если это справедливо, то не вполне корректны подсчеты, связанные с употребительностью вариантов *врач пришел - врач пришла*, ибо это не вполне адекватные по смыслу выражения. Частотность вариантов, отраженная в ГПРР, может лишь свидетельствовать о большей коммуникативной значимости акцентирования пола лица, о частотности случаев конкретной референции, а не о собственно нормативности согласования по роду.

Т. М. Николаева [Николаенко 1979: 132-141] отмечает, что определенность / неопределенность, как и другие коммуникативные, текстовые категории, образуется градуальными оппозициями, и могут быть выделены разные степени определенности: 1) максимальная (ср.: *Саша пришла / пришел* - здесь определенность уникальности); 2) определенность ситуации или контекста (*вошла учительница / учитель* или *представитель передал послание / представительница передала послание*). Если в первом случае выбор форм не допускает варьирования, то во втором вариантное употребление возможно, и оно зависит от актуальности в данном тексте (ситуации) отношения к полу.

В предикативной позиции существительные - личные имена - всегда обозначают неопределенное лицо. Ср. замечание Н. Д. Арутюновой о том, что в предикате обычно сохраняется «немаркированный мужской род» [Арутюнова 1976]. С. А. Крылову принадлежит наблюдение: если группа имеет предикативный статус, то согласование контролируется концептом (*Мария - хороший врач*), а в референтной позиции контролером может быть как концепт (*пришла хороший врач*), так и референт (*пришла хорошенькая врач*) [Крылов 1983: 163; Красильникова 1988: 57-59].

При передвижении коммуникативного фокуса с предиката на семантический субъект возникает необходимость в изменении рода номинации.

Ср.: «В обзоре читательских писем, который подготовила журналист Самолис, критиковалась партийная номенклатура ... Журналистку Самолис хотели с треском уволить» [Elle 1998];

«Вам же лучше будет ... - как-то подчеркнуто отдаляя себя от грядущих радостей новобрачных, без интонации сказала регистраторша. - Нам нужно сейчас, а не лучше! - строго сказала Мария Адольфовна, пытаюсь увидеть глаза государственного человека. Государственная барышня окинула взглядом нетерпеливую невесту» [Кураев. Маленькая домашняя тайна].

Как отметила Н. Д. Арутюнова [Арутюнова 1998: 63], выбор обозначения лица в большей степени зависит от той функции, которая ему отведена в сообщении. В разряде наименований на одном полюсе сосредоточены имена собственные, способные только удостоверить личность референта, на другом - имена качественные, приспособленные к предикативности. Между ними расположены другие номинации, в том числе имена функциональные, реляционные и окказиональные, пригодные к выполнению как идентифицирующей, так и предикативной роли в высказывании. Заметим, что слова типа *учитель* в этом смысле ближе к именам собственным, а *учительница* - к именам качества, хотя, конечно, по основному признаку они относятся к именам функциональным.

Итак, категория рода личных существительных тесно связана с коммуникативными функциями этих существительных в тексте. Выбор нужной формы прежде всего определяется такими категориями, как определенность / неопределенность. Известно, что в ходе эволюции русского языка возможности выражения значения неопределенности расширялись, и их употребление возрастало по своей частотности, и, напротив, число неопределенных местоимений постепенно сокращалось. В ряду этих новых возможностей для выражения значений определенности / неопределенности находятся категории рода и числа, причем часто они взаимодействуют, выражая значения неопределенности. Ср.: «Взаимодействие поля определенности / неопределенности с полем количественности сказывается в таких высказываниях, где значение неопределенности в тех случаях, когда существительное обозначает единичный предмет, передается множественным числом имени: Вскоре появились гости ... А потом гость поспешил туда ... Слово «гости» характеризуется признаком первого упоминания, которое передается формой множественного числа. Как выясняется из целого высказывания, речь действительно идет только об одном госте» [Теория функциональной грамматики ... 1992: 244]. Следует обратить внимание и на то, что в этом случае возможна только форма мужского рода, ибо с семантикой неопределенности граничит значение генерализации, категории неопределенности и всеобщности сопредельны, родственны. А обобщенное значение - лицо вообще - передается именно мужским родом имени. Значит, выбор формы мужского или женского рода самого существительного, а также слов, связанных с ним в тексте, зависит от необходимости выражения таких смыслов, как единичность или обобщенность, уникальность или, наоборот, всеобщность, а также этот выбор определяется категориями референтности и предикативности.

Как справедливо сказано авторами новой «Коммуникативной грамматики» [Золотова и др. 1998: 303], «коммуникативно-текстовый анализ морфологической категории - это не просто пересмотр традиционных разделов типа «значения форм числа», это исследование форм в связи с семантикой и функциональной парадигмой моделей предложения, в связи с субъектной перспективой ...». Учет коммуникативных категорий, о которых шла речь, совершенно необходим при выяснении закономерностей употребления личных существительных и слов, связанных с ними в составе предложения.

Список использованной литературы

- Арутюнова Н. Д. Прагматика // Большой энциклопедический словарь. - М., 1998.
Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл. - М., 1976.
Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. - М., 1998.
Бондарко А. В. Грамматические категории слова в тексте и в системе языка // Русский язык. Текст как целое и компоненты текста. - М., 1982.
Дмитриева О. Л. Семантическая обусловленность функционирования деривационно связанных вариантов рода в речи // Деривация и история языка. - Пермь, 1987.

- Еремина Л. И. Точность искусства и точность грамматики // Литературная норма и вариантность. - М., 1981.
- Золотова Г. А., Ониненко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. - М., 1998.
- Кривоносов А. Т. Язык. Логика. Мышление. Умозаключение в естественном языке. - М.; Нью-Йорк, 1996.
- Крылов С. А. Морфосинтаксические механизмы выражения категории детерминации в современном русском языке // Разработка и применение лингвистических процессоров. - Новосибирск, 1983.
- Мечковская Н. Б. Социальная лингвистика. - М., 1966.
- Мучник И. П. Грамматические категории глагола и имени в современном русском литературном языке. - М., 1971.
- Ревзина О. Г. Функциональный подход к языку и категория определенности - неопределенности // Категория определенности - неопределенности в славянских и балканских языках. - М., 1979.
- Скобликова Е. С. Согласование и управление как способы синтаксической организации слов в русском языке: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. - Л., 1970.
- Щерба Л. В. Опыт общей теории лексикографии // Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. - Л., 1974.
- Яцкевич Л. Г. Вопросы русского формообразования. Функционально-типологический подход в морфологии (на примере имен существительных). - Минск, 1987.

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В СОСТАВЕ ГЛАГОЛЬНО-АДЪЕКТИВНЫХ ЛЕКСЕМ СОВРЕМЕННОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Лифарь Г. Н.

Иркутский государственный педагогический университет, филиал в г. Усть-Илимск

Статья рекомендована к публикации к.ф.н. Коноваловой Т. В. и к.ф.н., доц. Тюкинской О. В.

В статье рассматривается роль прилагательного в глагольной номинации современного английского языка. Ставятся проблемы идентификации аналитических конструкций глагольно-адъективного типа и статуса аналитических лексем того же типа.

Объектом нашего внимания является глагольная аналитическая деривация современного английского языка. В. Я. Плоткин в ряду четырех разрядов *аналитических глагольных лексем* выделяет и **глагольно-адъективные** (keep silent) [Плоткин 1989]. Глагол, как компонент этих построений, своей семантико-синтаксической валентностью создает матрицу для её наполнения тем лексическим содержанием, которое содержит прилагательное. В результате общая аналитическая единица приобретает некоторое значение, гештальт, значительная доля смысла которой детерминирована глаголом, как маркером сохранения состояния, или иной семантики, в зависимости от конкретного глагола.

В семантическом плане прилагательное является основным, то есть стержневым. И. В. Шапошникова поясняет в этой связи, что самым оптимальным способом номинации глагольных действий, структурированных по параметру различных качественных либо деятельностных состояний и динамики их изменения, являются модели V + adj. (be free, get free, set free) и V + V (start singing, keep going) [Шапошникова 2005:18].

В своем исследовании мы рассматриваем все конструкции, которые состоят из глагола и прилагательного в правосторонней валентности (типичной для объекта). Но далеко не каждая подобная конструкция может рассматриваться как аналитическая лексема, которая «как базовая единица лексико-семантического уровня выступает в качестве *носителя общеграмматически оформленного лексического значения*» [Шапошникова 2005: 16]. На сегодняшний день еще не решен вопрос о статусе всех выявленных конструкций, но частотный и регистровый анализ показывает, что более 50 % единиц (конструкций «глагол + прилагательное») являются окказионализмами, образованиями «по случаю».

Языковым материалом для лингвистического анализа послужил корпус конструкций (3097), отобранный из аутентичных текстов разных регистров речи и разнопрофильных словарей. Количество прилагательных, участвующих в лексеμοобразовании весьма значительно (1380 по данным исследования).

Опора на универсальное деление прилагательных на *качественные* и *относительные* объясняет использование степеней сравнения в составе лексем. В основе семантической структуры только качественных прилагательных лежит признак, меняющийся по шкале интенсивности, что определяет два основных семантических свойства таких прилагательных - способность иметь степени сравнения и способность сочетаться с интенсификаторами [Баранов 1993: 66]. Соответственно, становясь компонентами глагольно-адъективных лексем, качественные прилагательные могут выступать в формах степеней сравнения, если коммуникативная задача требует указать на нарастание признака:

- Mommy I'll get bigger and bigger every day and then I'll pop but... but if I stay little it won't happen [Agnes Of God].
- The weather grew breezier, brighter and warmer as the Easter holidays passed [Rowling].

Поскольку качественные прилагательные могут сочетаться с наречиями, последние выступают в роли *расширителей* синтаксической матрицы V + Adj., усиливая качественный признак:

- He was one of the great humanitarian French freethinkers; and the only thing wrong with them is that they make mercy even colder than justice [Честертон].

Взяв за основу классификацию П. П. Литвинова [Литвинов 1984], которая в большей степени показывает разнообразие значений прилагательных, мы рассмотрели корпус отобранных прилагательных на предмет